

Житие

Преподобноисповедник Никон Оптинский

Краткое житие

Преподобный Никон был последним из сонма известных не только в России, но и за ее пределами старцев Оптиной пустыни.

Оптинский старец Никон, исповедник (в миру Николай Митрофанович Беляев), родился двадцать шестого сентября 1888 года в Москве в многодетной, дружной и благочестивой семье московских купцов Беляевых. В Крещении был назван Николаем — в честь святителя Николая, Мирликийского Чудотворца. От родителей он унаследовал любовь к Церкви, чистоту и строгость нрава.

Заслуживает внимания один случай, произошедший с его матерью, Верой Лаврентьевной. Однажды дом Беляевых посетил Праведный Иоанн Кронштадтский. Отслужив молебен, он благословил молодую мать и подарил ей свою фотографию с собственноручной

подписью и датой — «год 1888, год рождения сына Николая».

Коля рос веселым, резвым ребенком. Несмотря на некоторую неповоротливость, он был очень ловок, предприимчив и изобретателен в разных детских играх и забавах. Но в это же самое время с ним произошло еще одно необыкновенное событие. В возрасте лет пяти мальчик тяжело заболел. Все усилия врачей спасти его оказались безрезультатными. Обнимая похолодевшее, бездыханное тельце младенца, его мать горячо молила святителя Николая сохранить ему жизнь. И совершилось чудо. Мертвый ребенок ожил. Впоследствии Оптинский старец Варсонофий особенно подчеркивал таинственное значение этого случая, в смысле явного предназначения Николая к иноческой жизни.

Следует сказать и о том воспитании, которое получили Николай Беляев и его братья и сестры. Их родители позаботились о том, чтобы дети не только обучились светским наукам и музыке, но и о том, чтобы они выросли благочестивыми людьми.

Маленькие Беляевы почти ежедневно посещали храм. Выполняли утреннее и вечернее молитвенное правило. В доме часто читались

вслух Евангелие и жития святых. Особенным благочестием отличался младший брат Николая — Иванушка, мечтавший о монашестве. С годами у Николая и его младшего брата Ивана возникло и укрепилось сознательное стремление к духовной жизни.

Окончив гимназию, Николай Беляев поступил учиться на физико-математический факультет Московского университета. Однако сердце его было занято другим — «единым на потребу». Они с братом решили уйти в монастырь, но не знали, в какой. Изрезали на полоски перечень русских монастырей и, помолившись, вытянули полоску, на которой было написано: «Козельская Введенская Оптиная пустынь».

Одиннадцатого февраля 1907 года Николай и Иван Беляевы объявили матери о своем желании уйти в монастырь. Вера Лаврентьевна благословила сыновей медными крестиками. Впоследствии, став иеромонахом Никоном, через все страдания пронес и сохранил Николай материнское благословение.

Дома не препятствовали благому решению, и двадцать четвёртого февраля 1907 года, в день обретения главы Иоанна Предтечи, братья приехали в Оптину. Их обоих с любовью принял преподобный старец Варсонофий,

но как-то особенно отметил Николая. С первых же бесед они почувствовали необъяснимую тесную связь друг с другом, то, что называется «духовным родством». Братья несколько раз гостили в Оптиной.

Девятого декабря 1907 года, в день празднования иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», братья Беляевы были приняты в число скитской братии и поселились в Иоанно-Предтеченском скиту Оптиной пустыни. В это время Николаю исполнилось девятнадцать лет, Ивану — семнадцать. Около года они проходили различные послушания, в том числе связанные с незнакомым им прежде тяжелым физическим трудом.

Николай охотно и жизнерадостно выполнял все послушания, возлагаемые на него. С одинаково радостным лицом работал он в трапезной: разметал снег, носил дрова, мыл посуду, подметал пол. В церкви он был помощником пономаря. Работал в саду: носил навоз, копал, сажал. Избалованный и выросший почти в роскоши, непривычный к физическому труду, Николай не тяготился ничем. Его душа не знала ни уныния, ни недовольства, ни ропота. Выдержав предварительный искуc, двадцать девятого января 1908 года братья были

причислены к братству скита в качестве послушников.

Духовным руководителем их стал скитоначальник игумен Варсонофий. Наряду с общими послушаниями преподобный Варсонофий привлекал Николая и к работе по письмоводству. В феврале 1908 года Николай был назначен помощником библиотекаря. В октябре 1908 года он был назначен письмоводителем старца Варсонофия и освобожден от всех послушаний, кроме церковного пения и чтения. Послушание письмоводителя начальника скита стало основным в продолжение всей его жизни в скиту.

Почти всё свободное от молитвы время он проводил у старца, помогая вести ему переписку. Старец Варсонофий, видя в Николае своего преемника и последователя, подолгу беседовал с ним, наставлял, учил. К этому времени он становится самым близким учеником и сотаинником старца Варсонофия, который, провидя его высокое предназначение, готовил его в свои преемники, передавая ему свой духовный и жизненный опыт, руководил его духовной жизнью.

В апреле 1910 года послушника Николая и его брата постригли в рясофор. Старец Варсонофий напутствовал юных иноков следующими словами: «Постриг в рясофор имеет большое значение для монаха. Какое дадите себе направление и настроение в первое время при пострижении, таким оно и останется до конца жизни».

Преподобный Варсонофий говорил о спасении: «Хорошо быть с Господом! А на Фаворе со Христом Спасителем, наверное, еще лучше. Нужно идти на Фавор. Но всегда помнить при этом, что путь туда человеку через Голгофу. И иного пути нет». Эти слова как нельзя лучше подходят для нас, христиан современности, призванных, по пророческим речениям преподобных отцов древности, спастись терпеливым перенесением находящих скорбей.

Однако путь на Голгофу способен проделать не каждый. И слишком велик соблазн сойти с креста. Так произошло с младшим братом Николая Беляева, Иваном. Иванушка, восторженный юноша, мечтавший о монашестве, не смог вынести всех трудностей иноческого жития. Не смог выработать в себе смирения, отсечения своей воли. Поэтому в 1910 году Иван покинул Оптину пустынь.

Впоследствии он женился на сестре милосердия, забыв о своём увлечении монашеством и про то, что сам некогда был иноком. Николай же остался в Оптиной Пустыни на долгие годы.

Напутствие, а также многие другие душеполезные изречения старца Варсонофия, сохранил для нас «Дневник», который вел послушник, а затем инок Оптиной пустыни Николай Беляев. Записи в нем обрываются с того времени, как его наставник, отец Варсонофий, покинул Оптину. Старцу пришлось перенести несправедливое гонение. В 1912 году он был посвящен в сан архимандрита, переведён из милой сердцу Оптиной и назначен настоятелем Свято-Троицкого Ново-Голутвина монастыря под Москвой.

После отъезда старца Варсонофия Николая перевели из скита в монастырь. В течение последующей жизни в монастыре он служил примером безусловного послушания, нелицемерного смирения, мирности, твёрдости и мудрости. Он был не по годам серьёзный, вдумчивый, и в то же время, радостный.

Двадцать четвёртого мая 1915 года молодой инок был пострижен в мантию и получил имя Никон в честь святого мученика Никона (память двадцать восьмого сентября). Десятого апреля

1916 года преподобный Никон был рукоположен в иеродиакона, а третьего ноября 1917 года удостоился сана иеромонаха. В этом сане последний из оптинских старцев пребывал до самой своей мученической кончины.

После октябрьского переворота Оптина была закрыта, начались гонения. «Умру, но не уйду», — так писал преподобный Никон в своем дневнике, будучи еще послушником монастыря. Эти слова выражали общее настроение оптинской братии. Трудоспособные монахи создали «сельскохозяйственную артель», дававшую пропитание. Преподобный Никон ревностно трудился, делая все, что только возможно, чтобы сохранить монастырь.

В Оптиной было тяжело, но служба в храмах продолжалась. В 1923 году [Оптина Пустынь](#), подобно множеству других российских монастырей, была закрыта. В качестве музейных рабочих и сторожей в монастыре оставили пятнадцать братьев, а остальным приказали убираться куда глаза глядят.

По благословению последнего архимандрита Оптиной пустыни, Исаакия II, иеромонах Никон остался служить при монастырском храме в честь Казанской иконы Божией Матери. «Благословляю тебя служить и принимать людей

на исповедь», — сказал отец Исаакий иеромонаху Никону. И тот пробыл в стенах разоренного монастыря еще около года, духовно окормляя маленькую общину, состоявшую из сестер закрытого к тому времени женского Шамординского монастыря.

Так преподобный Никон за святое послушание настоятелю стал последним Оптиным старцем. Сюда приходили духовные чада из Козельска и многочисленные богомольцы, по-прежнему съезжавшиеся к могилкам старцев со всех концов России: народная тропа в Оптину не желала зарастать.

Тогда же находившийся в ссылке преподобный Нектарий стал направлять своих духовных чад к преподобному Никону. До этого отец Никон не дерзал давать советы обращающимся к нему, а когда начал принимать народ, то, давая советы, всегда ссылался на слова Оптиных старцев. В те страшные годы верные чада Церкви особенно нуждались в укреплении и утешении, и именно такой духовной опорой был преподобный Никон.

Изгнанный из обители в июне 1924 года воинствующими атеистами, он последний раз отслужил всенощное бдение, покинул монастырь и переселился в город Козельск, где служил

в Успенском соборе. При этом иеромонах Никон окормлял уцелевших шамординских монахинь и паломников, принимал народ, выполняя свой пастырский долг.

Его арестовали в июне 1927 года вместе с отцом Кириллом (Зленко). Около года отец Никон пробыл в тюрьме города Калуги. Отсюда при одном из свиданий он передал пришедшей навестить его монахине Амвросии (Оберучевой) книгу, которая была с ним в его заключении: пятый том сочинений святителя Игнатия (Брянчанинова) «Приношение современному монашеству». На полях книги рукой иеромонаха Никона были сделаны заметки. Сейчас они изданы отдельной брошюрой под названием «Завещание духовным детям».

Эти советы — настоящий духовный бисер для людей, ищущих духовного окормления, желающих духовного роста:

«Необходимо всем приготовиться к скорбям. Без признания себя достойным скорбей за свое падение нельзя познать Спасителя. Безскорбная жизнь — признак неблаговоления Божия к человеку. Не следует завидовать живущим безскорбно, ибо конец их безскорбия плачевен. Испытания и скорби обнаруживают состояние души человеческой, выражаясь языком

современным, они являются как бы каким-то экзаменом. Принимай то, что посылает Бог „.

„Скорби попускаются, чтоб обнаружилось, кто любит Бога действительно. Без терпения скорбей даже благодарная душа не способна к Царствию Божию. Твердое терпение скорбей равносильно мученичеству. Скорби ничего не значат в сравнении с духовными благами“.

„Великодушие и настойчивость в борьбе с грехом необходимы, хотя бы грех по временам и одолевал. Призыв к покаянию — зов Божий. Оживление души совершается волею Божией и силою Божией. Но от человека требуется его произволение в принесении Богу покаяния. Срок покаяния, потребного согрешившему, известен единому Богу. Покаяние только тогда признается искренним и действительным, когда последствием его бывает оставление греха смертного“.

„Чтение — одно из необходимых деланий. Без чтения или слушания чтения нельзя узнать истину. Говоря о чтении, разумею исключительно чтение Священного Писания и писаний отеческих и церковных. Духовному росту предела нет, поэтому перечитывание имеет огромное значение. Лучше с благоговением и вниманием перечитывать

небольшое количество книг, нежели многое читать наскоро. Но чтение только тогда будет приносить желаемую пользу, когда читаемое будет по мере сил и возможностей входить в жизнь, становится правилом жизни, а не простым, голым, бездушным и холодным знанием. Поэтому нужно читать со вниманием и стараться жить по духу того, что читаешь“.

27 января 1928 года иеромонаха Никона вместе с другими заключенными хотели отправить на Соловки. Однако из-за непогоды этап задержался на пересыльном пункте в Кеми. Там отца Никона оставили в качестве сторожа. Три страшных года провел преподобный Никон в лагере «Кемперпункт». По окончании срока его приговорили к ссылке в Архангельскую область.

Перед отправкой врач нашел у преподобного Никона тяжелую форму туберкулеза легких и посоветовал просить о перемене места ссылки и о переводе в местность с более здоровым климатом. Привыкший все делать за послушание, преподобный Никон попросил совета у оптинского монаха отца Агапита (Таубе), сосланного вместе с ним. Тот посоветовал не противиться Божией воле, и преподобный Никон смирился. Он решил предать себя воле Божией, сказав врачу: «Воля

Божия да совершается...“ Вот слова праведной души, всего себя и всю жизнь благоговейно приносящей в жертву Богу!

В июне 1930 года иеромонах Никон и отец Агапит поселились в деревне Нижнее Ладино под Архангельском. Однако в августе 1930 года отца Никона переместили на Пинегу, в деревню Воспола. Это было его последнее земное пристанище, последний этап земного страдания. Он нашел квартиру в доме одной женщины, которая, кроме большой платы деньгами, поставила в условие своему квартиранту выполнять все тяжелые физические работы по дому. Состояние здоровья преподобного Никона ухудшалось с каждым днем, он недоедал.

Хозяйка с характером исключительно сварливым, злым и жестоким помыкала им, как своим рабом. Казалось, что сам бес вселился в нее, заставляя мучить отца Никона. Жестокая старуха не давала ему ни покоя, ни отдыха. Изнемогая от слабости, он беспрекословно выполнял всё при постоянно повышенной температуре и с больной ногой.

Однажды от непосильного труда страдалец не смог встать. В конце концов, узнав, что он неизлечимо болен туберкулезом, хозяйка

В зимнюю стужу выгнала постояльца из дома, выбросив на улицу все его вещи. Тогда товарищ по несчастью, бывший насельник Оптиной Пустыни иеродиакон Петр, перевез умирающего отца Никона в околоток Козлово, в деревню Валдокурье, за три километра от Восполы, в дом Александры Ефимовны Прялковой, где жил и сам.

Там батюшку разыскала приехавшая к нему духовная дочь, инокиня Ирина (Бобкова), впоследствии схимонахиня Серафима. Она нашла отца Никона уже угасающим, прикованным к одру болезни, покрытого вшами. В таком состоянии он продолжал выполнять свое молитвенное правило, читал Священное Писание, писал письма.

До самой смерти преподобный Никон писал записочки своим духовным чадам. Вот текст последней из них: «Какая красота в духовных книгах...» Эта последняя записка так и осталась недописанной. Изнемогавший от болезни Пастырь в последние дни своей недолгой жизни думал не о себе, а о своих чадах, продолжал заботиться об их духовной жизни, старался записать для них наставления и советы:

«Молитвенное правило пусть будет лучше небольшое, но исполняемое постоянно и внимательно.

Возьмем себе в образец святого, подходящего к нашему положению, и будем опираться на его пример. Все святые страдали потому, что они шли путем Спасителя, Который страдал: был гоним, поруган, оклеветан и распят. И все, идущие за Ним, неизбежно страдают. «В мире скорбны будете». И все, желающие благочестиво жить, гонимы будут. «Когда приступаешь работать Господу, уготовь душу твою во искушение».

Чтобы легче переносить страдания, надо иметь веру крепкую, горячую любовь ко Господу, не привязываться ни к чему земному, всецело предаться воле Божией.

Если нет возможности исполнить обет послушания, некому повиноваться, надо иметь готовность все делать согласно воле Божией. Есть два вида послушания: внешнее и внутреннее. При внешнем послушании требуется полное повиновение, исполнение всякого дела без рассуждения. Внутреннее послушание относится к внутренней, духовной жизни и требует руководства духовного отца. Но совет духовного отца следует проверять

Священным Писанием... Истинное послушание, приносящее душе великую пользу, это когда за послушание исполняешь то, что несогласно с твоим желанием, наперекор себе. Тогда Сам Господь берет тебя на Свои руки...

Иисусова молитва заменит крестное знамение, если почему-либо нельзя будет возложить его.

Без крайней необходимости в праздничные дни нельзя работать. Праздником надо дорожить и чтить его. Этот день надо посвящать Богу: быть в храме, дома молиться и читать Священное Писание и творения святых отцов, делать добрые дела.

Надо любить всякого человека, видя в нем образ Божий, несмотря на пороки его. Нельзя холодностью отстранять от себя людей. Не надо давать волю своим чувствам.

Надо понуждать себя обходиться приветливо и с теми, которые не нравятся нам.

Что лучше: редко или часто приобщаться Святых Христовых Тайн? — сказать трудно. Закхей с радостью принял в свой дом дорогого Гостя — Господа, и хорошо поступил. А сотник, по смирению, сознавая свое недостойнство, не решился принять, и тоже хорошо поступил. Поступки их, хотя и противоположные, но по

побуждению одинаковые. И явились они пред Господом равно достойными. Суть в том, чтобы достойно готовить себя к великому Таинству.

Гонения и притеснения полезны нам, ибо они укрепляют веру.

Если хочешь избавиться от печали, не привязывайся сердцем ни к чему и ни к кому. Печаль исходит от привязанности к видимым вещам. Никогда не было, нет и не будет беспечального места на земле.

Беспечальное место может быть только в сердце, когда Господь в нем. В скорбях и искушениях Господь помогает нам. Он не освобождает нас от них, а подает силу легко переносить, даже не замечать их.

Молчание подготавливает душу к молитве. Тишина, как она благотворно действует на душу!

Духовный отец, как столп, только указывает путь, а идти надо самому. Если духовный отец будет указывать, а ученик его сам не будет двигаться, то никуда и не уйдет, а так и сгниет около этого столпа.

Всегда помните закон духовной жизни: если смутишься каким-либо недостатком другого

человека и осудишь его, впоследствии тебя постигнет та же участь, и ты будешь страдать тем же недостатком.

Не прилагайте сердца к суете мирской. Особенно во время молитвы оставляйте все помыслы о житейском. После молитвы, домашней или церковной, чтобы сохранить молитвенное умиленное настроение, необходимо молчание. Иногда даже простое, незначительное слово может нарушить и спугнуть из души нашей умиление.

Самооправдание закрывает духовные очи, и тогда человек видит не то, что есть на самом деле.

Терпение есть непрерывающееся благодушие.

Спасение ваше и гибель ваша — в ближнем вашем. Спасение ваше зависит от того, как вы относитесь к своему ближнему. Не забывайте в своем ближнем видеть образ Божий.

Всякое дело, каким бы ничтожным оно вам ни казалось, делайте тщательно, как пред лицом Божиим. Помните, что Господь видит все».

Инокня Ирина своими заботами скрасила последние дни умирающего преподобного Никона. Она же стала свидетельницей видения,

бывшего ему за четыре дня до кончины. Перед смертью он видел Оптинского старца Макария, который пришел его исповедать. Не зная, что и думать, она ушла на другую половину дома, откуда, казалось, целую вечность звучал батюшкин голос, и она боялась расслышать слова этой таинственной исповеди.

В самый день блаженной кончины преподобного Никона, 25 июня/8 июля 1931 года, он причастился, прослушал канон на исход души. Лицо почившего было необыкновенно белое, светлое, улыбающееся чему-то радостно. Господь, даровав Своему верному слуге мирную кончину, и по преставлении почтил его соответствующим его сану и заслугам погребением.

Он был отпет и погребен по монашескому чину на кладбище села Валдокурье. Проводить его в последний путь пришло множество ссыльных. Промыслом Божиим на погребение преподобного Никона одних священнослужителей собралось двенадцать человек. Несмотря на то, что все они находились на работе (за шестьдесят километров от Валдокурья), они вдруг получили выходной — точно на погребение его они были отпущены.

В тридцатые годы могила иеромонаха Никона была раскопана хулиганами. Поэтому его духовные чада совершили перезахоронение. Лишь немногие знали, где находились его мощи.

Дом, где умер иеромонах Никон, сохранился до наших дней. Это единственный уцелевший дом в околотке Козлово. А восьмого июля 1989 года над восстановленной могилой преподобного Никона была совершена первая панихида. Отслужил ее прибывший на Пинегу насельник возрожденной Оптиной пустыни иеромонах Феофилакт.

В 1996 году преподобный Никон (Беляев) был причислен к лику местночтимых Святых Оптиной Пустыни, а в августе 2000 года — Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви прославлен для общецерковного почитания.

Полное житие преподобного Никона, исповедника

[Детство и юность](#)

[На перепутье](#)

[Зов Божий](#)

Послушник старца Варсонофия

Первые испытания на иноческом пути

Разорение монастыря

Духовническое служение

Начало мученического пути

Лагерь и ссылка

Кончина в изгнании

Преподобноисповедник Никон — последний духовник Оптиной пустыни, ему суждено было пережить закрытие и разорение обители. В тяжелейших условиях, уже вне монастыря, при постоянной угрозе ареста и тюремного заключения, он продолжал окормлять духовных чад, призывая сохранять веру и следовать Господу среди гонений, воздвигнутых безбожными властями. Сохранился дневник отца Никона — драгоценное свидетельство о последнем периоде жизни в Оптиной, о близком общении со старцем Варсонофием, называвшим отца Никона, тогда еще послушника, своим сотаинником. Дневник преподобного Никона, его проповеди и поучения, дошедшие до нас в записи духовных чад, сохранили дух оптинского старчества, воспринятый отцом Никоном от

старца Варсонофия. О многих событиях жизни старца Никона рассказывается его собственными словами — по дневниковым записям, которые раскрывают глубокий духовный смысл событий его земного пути.

Детство и юность

Родился Николай Беляев 26 сентября / 9 октября 1888 года в московской купеческой семье Митрофана Николаевича и Веры Лаврентьевны Беляевых. Всего у них было восемь детей — две дочери и шесть сыновей, Николай был четвертым ребенком. Дом Беляевых был богатым, по воспоминаниям старца детство его прошло почти в роскоши, ни в чем они не знали нужды. По традиции семья была благочестивой, но отец в большей степени стремился к исполнению обрядов, любил внешнюю красоту церковной службы, не вникая в глубину христианского вероучения. Такое внешнее благочестие было характерно для многих русских семей в то время, хотя даже оно уже становилось редкостью, сменяясь полным равнодушием к вере и Церкви.

Глубокой верой и истинным благочестием отличался дед Николая по матери, Лаврентий Иванович Швецов. Он был круглым сиротой, еще мальчиком его подобрал зажиточный купец

и определил работать в своей лавке. Не имевший наследников купец так полюбил за религиозность, добросовестность в службе и порядочность Лаврентия, что со временем передал ему свое дело. Лаврентий Иванович разбогател, всю жизнь он занимался торговлей, главным принципом его при ведении дел была кристальная честность, он часто повторял: «Чужая копейка, внесенная в дом, как пожар, сожжет его». Лаврентий Иванович отвергал любое лукавство в делах, принцип «не обманешь — не продашь», он свидетельствовал: «Я за всю мою жизнь никогда никого не обманул ни разу, а дело мое шло всегда лучше, чем у других». Лаврентий Иванович любил богослужение, сам иногда пел на клиросе. В течение тридцати трех лет он был старостой церкви святых равноапостольных Константина и Елены в Кремле, в которой находилась чудотворная икона Божией Матери «Нечаянная Радость». Его религиозность передалась и дочери. Все вспоминали, что Вера Лаврентьевна отличалась молитвенностью, добротой, ровным, терпеливым характером. Митрофан Николаевич после женитьбы на Вере Лаврентьевне стал служить у ее отца, а со временем вся семья переехала в дом Шевцовых на Большой Ордынке. Старец Никон вспоминал, что был любимцем деда и бабушки и сам был очень привязан к ним.

Смерть деда, а затем бабушки Марии Степановны явились первым потрясением в его жизни.

С детства Николая сопровождали знаменательные события. В год его рождения Беляевых посетил отец Иоанн Кронштадтский, он беседовал с Верой Лаврентьевной и подарил ей свою фотографию с памятной надписью, которая хранилась в семье как реликвия. Когда Николаю исполнилось пять лет, он тяжело заболел, врачи говорили, что он не поправится. Но мать не теряла надежды, она горячо молилась святителю Николаю Чудотворцу о выздоровлении сына. И совершилось чудо: болезнь оставила ребенка. Впоследствии старец Варсонофий так сказал об этом событии Николаю: «Конечно, это из ряда вон выходящий случай. Собственно, не случай, ибо все происходит с нами целесообразно... Вам была дарована жизнь. Ваша мама молилась, и святитель Николай Чудотворец молился за вас, а Господь как Всеведущий знал, что вы поступите в монастырь, и дал вам жизнь. И верьте, что до конца жизни пребудете монахом...»

Николай выделялся среди детей веселостью и бойкостью, был заводилой в играх, но с этим сочетались такие свойства характера, как

выдержка и терпение. Достаток и благополучие, царившие в доме, не сделали его сердце равнодушным к чужой боли. Старец позже вспоминал на страницах дневника: «Помню, устраивалась у нас елка на Рождество: детское веселье, конфеты, блеск украшений — все это радовало меня. Но помню хорошо один вечер. Я один около елки. В комнате полумрак, горит лампа, и тень от елки падает на большую половину комнаты. И вот какая мысль у меня в голове: я сыт, одет, родители утешили меня прекрасной елкой, я ем конфеты, в комнате тепло... Но есть, я знаю, такие дети, у которых нет даже необходимого. Об елке и речи быть не может: они полураздеты, просят милостыню на морозе или голодные сидят в холодных подвалах...»

На перепутье

С возрастом Николай стал задумываться о серьезных вещах, его волновали вопросы о том, что такое смерть, грех, загробная участь человека, страдания в аду. Когда наступила пора юности, он никак не мог найти свой путь в жизни. «Помню, что я часто даже в играх, которые любил, чувствовал неудовлетворенность, пустоту. Я не знал, куда мне поступить из гимназии, что выбрать, какую

отрасль науки, какой сообразно с этим путь жизни. Ничто мне не нравилось так, чтобы я мог отдаться тому, что выбрал. Был у меня переворот в жизни, когда все вокруг было заражено социальными идеями в нашем юношеском кругу. Мне эта маска, которой прикрито дело дьявола, ведущее в пагубу, сначала как бы понравилась, хотя я и не мог ее совместить с верой в Бога, в которой и о которой я ничего не размышлял и не давал отчета...» Хотя в доме царила благочестивая обстановка, но глубоких понятий о вере и Церкви у Николая не было. Уже позже он сам будет удовлетворять духовную жажду, которую всегда чувствовал, чтением книг.

Окончив гимназию, Николай поступил в Московский университет, но проучился недолго. Он вспоминал: «В университете я успел проучиться немногим более полугода... После Рождества мои мысли и стремления к богоугождению начали несколько формулироваться, и я стал посещать университет хотя и ежедневно, но с некоторой целью... Под предлогом занятий в университете я уходил утром из дома. Приходил в университет и был там до 9 часов, а с 9 часов отправлялся в Казанский собор к обедне, предварительно заходя по дороге к Иверской, если там народу

бывало не очень много. Отслушав литургию, стоя иногда даже всю литургию на коленях, я не спеша отпраплялся домой и заходил по дороге в часовню Спасителя и, помолившись там, уже без задержек направлялся домой. Дома я, напившись чаю, садился читать Евангелие, которое и читал более месяца или месяц. Когда Евангелие было прочитано, я начал читать Апостол и "Путь ко спасению" епископа Феофана; читал иногда листочки и брошюрки духовного содержания». Со временем Николай стал вести дневник, эту привычку будет в дальнейшем поддерживать у него и старец Варсонофий, считая очень полезным ежедневно записывать наблюдения за своей внутренней жизнью. Вспоминая свою юность, старец по своему состоянию и настроениям причислял себя целиком к поколению молодых людей той эпохи — отметил и период увлечения социальными идеями, и формальное исполнение обязанностей христианина. Но из его же собственных слов видно, как исподволь возрастала в душе устремленность к Богу, как влекли его Церковь, богослужение. Сам он особо отметил, что «церковь (этому я придаю огромное значение; может быть, это была одна из самых главных причин, приведших меня в обитель и к Богу...) лет с 12—13 я не покидал, несмотря ни

на что...» Видимо здесь сказалось и воспитание, влияние деда и матери.

Зов Божий

В феврале 1907 года Николай впервые решил сознательно исповедаться и причаститься Святых Христовых Таин. Для этого он обратился к иеромонаху Чудова монастыря Серафиму. «Я все более и более чувствовал необходимость переменить жизнь, начать жизнь иную и молился об этом, конечно, своими словами. Господь услышал мою грешную молитву и непостижимыми судьбами направил меня в Оптину на иноческий путь», — вспоминал позднее старец. Эти его устремления разделял и брат Иван, они вместе посещали богослужения, оба почувствовали желание принять монашество, при том что имели об иноческом пути весьма смутные представления. Старец вспоминал, что если Иван вскоре горячо проникся этим намерением и был преисполнен энтузиазма, то его самого постоянно одолевали сомнения и неуверенность. Поскольку братья никогда не бывали в монастырях, выбрать конкретную обитель им было сложно. Тогда Иван нарезал отдельными полосками названия крупных русских монастырей из списка, напечатанного в одной из старых книг, они

разложили эти листочки и наугад вынули один — на нем было написано «Оптина Пустынь», туда и собрались отправиться молодые люди.

Николай решил посоветоваться о своем намерении поступить в монастырь с законоучителем гимназии священником Петром Сахаровым. Тот не готов был решить такой важный вопрос и направил его к своему товарищу по Духовной академии епископу Трифону (Туркестанову, ныне прославлен во святых как новомученик). Это было накануне Великого поста 1907 года, в Неделю о блудном сыне. При встрече присутствовала Вера Лаврентьевна, Владыка утешил ее, сказав: «Не беспокойтесь, они увидят там только хорошее, и это останется у них на всю жизнь».

Вечером 23 февраля братья Беляевы выехали в Оптину, «не имея о ней, — как писал Николай, — ни малейшего представления. Недели за две до того времени я не знал, что Оптина существует». 24 февраля, в день обретения главы святого Иоанна Предтечи, они прибыли в обитель. Николай в дневнике отметил все знаменательные совпадения, из которых становится очевидным, как Промысл Божий сопутствовал ему в стремлении к монашеской жизни. В монастыре молодым людям все очень

понравилось, они исправно исполняли порученные послушания, посещали богослужения, всё более укрепляясь в желании остаться в обители, но отец настоятель не захотел принять их в братство. Желая испытать твердость их намерения, он посоветовал еще какое-то время пожить в миру. На прощание дал общие правила молитвы и жизни и благословил иконой Божией Матери «Споручница грешных».

До конца 1907 года Николай и Иван прожили в миру, по благословению епископа Трифона окормляясь у игумена Богоявленского монастыря Ионы. Бывали они и в Оптиной. В декабре они вновь отправились в монастырь в надежде получить благословение остаться в обители. 7 декабря, в день памяти святителя Амвросия Медиоланского, когда именинником бывал старец Амвросий, скитоначальник игумен Варсонофий благословил их переезжать в Оптину Пустынь. 9 декабря, в день празднования иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», они выехали из Оптиной в Москву для окончательного устройства дел в миру. Николай не мог не отметить, что эта икона была особо почитаема в семье, дед молился перед чудотворной иконой «Нечаянная Радость» в храме, где долго прослужил старостой. 22 декабря, в день Анастасии

Узорешительницы, порвав мирские узы, Николай и Иван выехали в Оптину, 23-го они были уже в монастыре, а 24-го поселились в келье в скиту.

Вот так, буквально за год, мысль о монашестве, до этого совершенно чуждая Николаю, действием благодати Божией созрела, укрепилась и в итоге была осуществлена. Он сам удивлялся столь быстрому развитию событий: «Я прежде совсем не давал [себе] отчета, что такое монашество, потом осуждал всех монахов вообще; потом, за несколько месяцев до приезда в Оптину в первый раз, я начал сомневаться в монашестве — богоугодно ли оно? И сомневался до последнего времени, до самого поступления в скит, и, вероятно, даже по поступлении были сомнения. Теперь, слава Богу, все затихло, и истина доказывается моим собственным опытом, чтением книг и тем, что вижу и слышу. Как благодарить мне Господа? Какого блага сподобил меня Господь! Чем я мог заслужить это? Да, здесь исключительно милость Божия, презревшая всю мою мерзость. Действительно, как я сам мог придти в скит, не веря в идеал монашества, не имея положительно никакого о нем понятия, осуждая монахов, живя самой самоугодливой жизнью, не желая подчинять свою волю никому из смертных, не молясь ни

утром, ни вечером (правда, ходя довольно часто в церковь), читая исключительно светские книги (исключая книгу епископа Феофана перед самым отъездом в Оптину), думая даже о браке? Один ответ: Господь привел...»

Послушник старца Варсонофия

Великой Божией милостью была возможность общения с таким подвижником как отец Варсонофий. Перед принятием в скит старец говорил Николаю: «Духа надо держаться. Дух животворит, буква умерщвляет. Если видеть в монашестве одну форму, то жить не только тяжело, но ужасно. Держитесь духа. Смотрите, в семинариях духовных и академиях какое неверие, нигилизм, мертвечина, а все потому, что только одна зубрежка, без чувства и смысла. Революция в России произошла из семинарии. Семинаристу странно, непонятно пойти в церковь одному, стать в сторонке, поплакать, умилиться, — ему это дико. С гимназистом такая вещь возможна, но не с семинаристом. Буква убивает». Старец сразу полюбил Николая, видя его искреннее стремление послужить Христу, много с ним беседовал, научая основам иноческой жизни. Дневниковые записи Николая Беляева сохранили драгоценные советы старца: «С первого же раза я расположился к вам, и

верую, что сохранится это расположение на все время, которое мне осталось жить... Оставайтесь здесь монахом до конца своей жизни. А основание монашеской жизни — смирение. Есть смирение — все есть, а нет смирения — ничего нет. Можно даже без всяких дел одним смирением спастись». Старец Варсонофий сразу почувствовал в своем ученике будущего подвижника. В это время дух истинного монашества стал уже иссякать в Оптиной, подменяясь внешним исполнением правил и разного рода установлений. Старец был рад обрести такого благодарного, готового к послушанию духовного сына, передать ему свой опыт.

29 января 1908 года, в день памяти священномученика Игнатия Богоносца, Николая и его брата Ивана одели в послушническую одежду. Вручая им четки, игумен Варсонофий сказал: «Вот вам оружие, нещадно бейте им невидимых врагов. Прежде всего имейте всегда страх Божий, без него вы ничего не достигнете. Теперь для вас начинается новая жизнь. Хотя вы и жили в скиту, да все было не то. Теперь везде идет разговор у бесов: "Были почти наши, теперь пришли сюда спасаться, — как это можно?" Но не бойтесь». Николай поведал старцу смущающие его мысли о том, что современное

монашество уклонилось от своих идеалов. Старец ответил на это: «Да, да, уклонилось. Однако диаволу и это [монашество] не очень нравится, коли он так восстает против современного монашества. Этим монашеством держится весь мир. Когда монашества не будет, то настанет Страшный Суд».

В скиту Николай нес послушание в саду, был помощником библиотекаря, но основным его послушанием вскоре стало секретарское, у скитона начальника старца Варсонофия. Это дало ему счастливую возможность большую часть времени проводить со старцем. Отец Варсонофий прививал ему правильное устройство, новоначальный послушник являл для этого самую благодатную почву, имея настоятельное желание последовать Христу. Поэтому различные нестроения и искушения, уже тогда волновавшие насельников Оптиной, обошли его стороной. А вот брат Николая Иван в дальнейшем оставил обитель, ушел в мир, женился, порвав отношения с братом, с Оптиной. В конце жизни он раскаялся, с трепетом вспоминал о брате, который остался до конца верен избранному пути.

Николай все глубже вникал в иноческую премудрость, дух монашества, ранее

непонятный ему, постепенно открывался его сердцу. По благословию старца он продолжал вести дневник, 17 марта 1908 года записал: «...не стал сразу ангелом, чего я требовал прежде от всякого монаха без разбора, молодой ли он или старый, и сколько живет в монастыре, и не желал ничего принимать в соображение. Теперь я начинаю понимать, что практическое знание собственно только и имеет смысл. Очень легко разглагольствовать и очень трудно "дело делать"». А приблизительно через год в дневнике появились такие строки: «Все мои познания приобретены в скиту, вся формировка в нечто определенное моих убеждений и понятий произошла здесь, в скиту. Здесь, в скиту, я приобрел более, чем за всю мою жизнь в миру, более, чем в гимназии и университете. Не ошибусь, пожалуй, если скажу, что там я почти ничего не получил, хотя в миру от рождения прожил 19 лет, а в скиту не живу еще и года».

Старец не раз в разговорах с послушником Николаем сетовал на те перемены, которые произошли в Оптиной, вспоминая время, когда живы были великие старцы, можно было обратиться к ним за советом, утешением. Как-то он сказал Николаю: «Я совершенно один... а силы слабеют... Приду, бывало, я к великому старцу о. Анатолию. ...Скажешь ему про свои

скорби: "Тяжело было даже идти к Вам, насилиу дошел, а помысл еще говорит: зачем тебе беспокоить батюшку, не ходи". — "Ну, а теперь?" — "Теперь легко, словно гора с плеч свалилась..." — "Да, так и я некогда к батюшке отцу Макарию, потом к отцу Амвросию ходил, а теперь-то и некуда идти... Мы, я и батюшка Амвросий, все вместе делали, друг друга утешали в скорбях. Приду, да и скажу: "Батюшка, отец Амвросий, тяжело что-то". — "Ну, что там тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни..." Да, а теперь-то они и пришли, — монахов много, много хороших, а утешить некому. Теперь я понял, что значит: "Придут дни..." А теперь-то и я это понял, когда прошли те блаженные дни». 30 января 1909 года Николай записал в дневнике: «Батюшка во время разговора первый раз назвал меня своим сотаинником. Я этого не ожидал и не знаю, чем мог это заслужить. Спаси, Господи, Батюшку. Я все более и более начинаю видеть, что Батюшка — великий старец. И, к моему сожалению, Батюшка все чаще и чаще говорит о своей смерти, что дни его "изочтени суть"».

Наступило время, когда Николая должны были призвать на военную службу. Он спросил отца Варсонофия, можно ли молиться об избавлении от военной службы. Батюшка отвечал, что

нельзя: «Это надо всецело предоставить воле Божией, ибо, прежде всего, это законно. И потом, мы не знаем, будет ли для нас полезно это. Молиться об этом равносильно тому, чтобы молиться об избавлении от послушания. Нет, уж лучше предоставим это воле Божией». После медосмотра Николай был освобожден от срочной службы из-за расширения вен на левой ноге. Вернувшись после медицинской комиссии в скит, он пошел на могилки старцев поблагодарить их за дарованную возможность остаться в обители. Вспоминал, что встретил отца Варсонофия, который очень обрадовался этому известию и тут же обратился к Господу с благодарственной молитвой.

Первые испытания на иноческом пути

В Великую Пятницу 16 апреля 1910 года вместе с другими послушниками Николай был пострижен в рясофор. После пострига все пошли в келью к отцу Варсонофию, и он обратился к новопостриженным со словами о главной монашеской добродетели — смирении: «Прежде я говорил вам и теперь повторяю: смирение — всё. Есть смирение — всё есть, нет смирения — ничего нет. Вы получили рясофор. Это не есть какое-либо повышение, как например, в миру, когда дают повышение, назначая в офицерский

чин и прочее. И там получивший считает своим долгом гордиться своим повышением, а у нас не так. На монашеском знамени написаны слова: "Кто хочет быть большим, да будет всем слуга". Смиряться и смиряйтесь... Теперь вас более будет утешать благодать Божия, но и враг будет озлоблять».

Теперь старец предупреждал инока Николая о том, что в духовном возрастании необходимо претерпеть скорби для очищения от страстей и грехов: «Всякому человеку нужно претерпеть время искушений и борьбы — тяжелое болезненное состояние. Про эти муки говорится в псалме: "Объяша болезни яко раждающия" [Пс. 47, 7], — и далее: "...и изведе мя на широту" [Пс. 17, 20]... Так и всякий человек, рождаясь духовно в новую жизнь, испытывает болезнь, пока еще не вышел на широту. Кто не испытал этих болезней, рождающих в миру, до монастыря, то ему необходимо испытать их в монастыре. И вам это предстоит, ибо вы не испытали этого в миру...»

Готовил старец своего ученика к тем скорбям, которые по своей прозорливости предвидел в недалеком будущем. Однажды, советуя ему побольше читать творения отцов, сказал: «Пользуйтесь этим временем, пока можно вам

читать. Придет время, когда уже не будет у вас возможности читать книги. Лет через пять или шесть... когда вам надо будет читать книгу жизни». Обучал отец Варсонофий Николая и творению молитвы Иисусовой: «Ее начало — тесный путь. Но приобретение внутренней молитвы необходимо... Внешняя умная молитва недостаточна, ибо она бывает у человека, в котором присутствуют страсти. Одна умная недостаточна, а внутреннюю получают весьма немногие... Только не надо ее оставлять».

Тяжелым испытанием для монаха Николая станет расставание с любимым старцем. В 1910 году на отца Варсонофия будет воздвигнуто гонение, которое стало причиной настоящей смуты в скиту. В результате этих событий в феврале 1912 пришел указ Синода о назначении старца настоятелем расположенного вблизи города Коломны Старо-Голутвина монастыря с возведением в сан архимандрита.

Последовавший за этим протест братии был оставлен без внимания. Старец очень страдал из-за предстоящей разлуки с Оптиной, со скитом, но он предвидел эти события и предупреждал отца Николая о предстоящих искушениях. Неслучайно он так много беседовал со своим учеником, задерживая его иногда надолго после вечерней службы, уже отпустив

остальных иноков, — старец стремился во всей полноте передать отцу Николаю свой духовный опыт, укрепить его в предстоящем служении. Старец Варсонофий не раз называл отца Николая своим преемником.

В 1912 году отец Варсонофий покинул скит, а уже 1 апреля 1913 года он скончался.

Преданный и самый любимый ученик старца отец Николай не мог присутствовать на его погребении — в это время он тяжело заболел и находился в больнице. С глубокой скорбью переживал он смерть старца Варсонофия. Наступило время, когда Промыслом Божиим отец Никон должен был выйти на путь самостоятельного служения, но молитвенную поддержку и помощь старца он чувствовал постоянно.

24 мая 1915 года он был пострижен в мантию и наречен Никоном в честь мученика Никона. 10 апреля 1916 года была совершена хиротония во иеродиакона, а 3 ноября 1917 года, когда в России уже разыгралась смута, — во иеромонаха. Подробности о жизни старца с 1910 года до этого момента неизвестны, дневник его прерывается, свидетельств не сохранилось. Видимо, это было время, данное для возрастания в его душе тех семян, которые

были посеяны великим старцем Варсонофием, чтобы отец Никон мог созреть для старческого служения, которое ему придется совершать во время гонений на Церковь и веру. Весь его дальнейший путь с момента принятия сана иеромонаха станет ежедневным исповедничеством.

Разорение монастыря

В феврале 1918 года в Оптину Пустынь прибыл отряд красноармейцев, которые произвели осмотр монастыря и скита и сделали опись церковного имущества обители. После этого начались периодические притеснения обители, сопровождавшиеся конфискацией и разорением ее имущества. К 10 августа было решено удалить из Оптиной всех монахов. В монастырской гостинице на двери одной из комнат появилась вывеска «Козельский Уездный Военный Комиссар». Среди козельских комиссаров обсуждался вопрос о том, что нужно предложить всем монахам остричь волосы и поступить на светскую службу. 5 августа 1918 года уездный Комиссариат социального обеспечения потребовал от монастыря предоставить два корпуса для создания детского приюта и богадельни.

Для спасения монастыря и его хозяйства братии посоветовали зарегистрироваться в советских органах в качестве трудовой общины или артели. В 1919 году Оптинский монастырь был преобразован в племхоз, его возглавил один из монастырских послушников. Новообразованное хозяйство пользовалось по договору всеми постройками монастыря, кроме хибарок старцев и библиотеки. После ликвидации племхоза все монастырские постройки поступили в ведение музея. При музее был устроен кожевенный завод и деревообрабатывающие мастерские, в которых трудились около тридцати монахов и послушников. В мае 1919 года отец Никон был временно назначен заведующим музеем.

30 сентября 1919 года прошли первые аресты среди братии Оптиной Пустыни и священников храмов Козельского уезда, был арестован и отец Никон. В ноябре, после непродолжительного заключения в козельской тюрьме, все были освобождены. В марте 1920 года снова была арестована группа священнослужителей, монахов и мирян, имевших отношение к Оптиной Пустыни. Личность отца Никона была вскоре выяснена, никаких доказательств его контрреволюционной деятельности найдено не было, и Калужская Губчека распорядилась освободить его.

В 1920 году в музей прибыла ликвидационная комиссия, которая составила акт о передаче всего имущества монастыря Главмузею. В июле того же года часть церковного имущества была передана религиозной общине. В это время в Оптиной из насельников монастыря было образовано садово-огородное товарищество. В 1922 году ликвидационная комиссия удалила из монастыря большую часть монахов, Оптина Пустынь поступила в особое ведение ОГПУ.

Оставшиеся оптинские монахи, находясь в полной неизвестности о дальнейшей судьбе обители, пытались сделать всё возможное, чтобы хоть в каком-то виде сохранить ее. Но власти ужесточали меры. В этой ситуации всё большая ответственность ложилась на плечи отца Никона как наиболее опытного и мудрого монаха. 9 марта 1920 года скончался скитоначальник схиигумен Феодосий, 30 июля 1922 года ушел из жизни иеросхимонах Анатолий (Потапов), в конце года был арестован старец Нектарий, который благословил своих духовных детей обращаться к иеромонаху Никону. Отцу Никону пришлось принимать на исповедь множество народа, продолжавшего по-прежнему ехать в Оптину за духовным окормлением.

Сохранилось письмо старца, написанное матери в эти тяжелые дни — осенью 1922 года. Поражает совершенно мирный, можно даже сказать, будничным тон письма: «О себе что писать мне? Я жив и здоров, нужд никаких особых не имею, необходимое все получаю, тружусь несколько в письмоводстве, много занят бываю различными делами по обители или, вернее, делами, касающимися вообще нашего общего жития, пою на клиросе и, наконец, служу, предстоя Престолу Божию во святом алтаре.

Что касается моей внутренней жизни и по келье, и по душе, то это далеко не всем можно знать. Келия моя в длину имеет пять аршин, в ширину три аршин шесть вершков в одно окно. Келия для меня дороже всяких пышных домов и чертогов.

Гордость человеческая говорит: мы сделаем, мы достигнем, и начинаем строить башню Вавилонскую, требуем от Бога отчета в Его действиях, желаем быть распорядителями вселенной, мечтаем о заоблачных престолах, — но никто и ничто не повинуется ей, и бессилие человека доказывается со всею очевидностью горьким опытом. Наблюдая опыт сей из истории и древних, давно минувших дней и

современных, прихожу к заключению, что непостижимы для нас пути Промысла Божия, не можем мы их понять, а потому необходимо со всем смирением предаваться воле Божией.

Что будет? Как будет? Когда будет? Если случится то и то, куда приклониться? Если совершится то и то, где найти подкрепление и утешение духовное? О, Господи, Господи! И недоумение лютое объемлет душу, когда хочешь своим умом все предусмотреть, проникнуть в тайну грядущего, не известного нам, но почему-то страшного. Изнемогает ум; планы его, средства, изобретаемые им — детская мечта, приятный сон. Проснулся человек — и все исчезло, сталкиваемое суровой действительностью, и все планы рушатся. Где же надежда? Надежда в Боге.

Господь — упование мое и прибежище мое. В предании и себя и всего воле Божией обретаю мир душе моей.

Чудная ночь, легкий морозец. Луна серебряным светом обливает наш тихий уголок. Иду на могилки почивших старцев, поклоняюсь им, прошу их молитвенной помощи, а им прошу у Господа вечного блаженства на небе. Могилки эти много вещают нашему уму и сердцу, от этих холодных надгробий веет теплом. Пред

мысленными взорами ума встают дивные образы почивших исполинов духа». Трогательны эти последние строки письма, свидетельствующие о неразрывной молитвенной связи с оптинскими старцами в то время, когда уже и обители-то по сути не существовало.

В 1923 году из монахов и послушников монастыря была организована сельскохозяйственная артель, но вскоре она была закрыта властями. Все имущество передали музею, при котором разрешили остаться лишь небольшой части монахов, остальным было дано распоряжение уходить. Для богослужений оставили Казанский храм, но и он вскоре был закрыт, последняя литургия состоялась на праздник Преображения Господня. Отслужив литургию, архимандрит Исаакий (Бобраков) сказал иеромонаху Никону: «Отец Никон, мы уходим, а ты останься, ведь сюда будут приходить богомольцы, надо, чтобы была служба, и надо их принять, а иеродиаконом останется отец Серафим». После этого в течение года богослужения проводились в помещении больницы и церкви преподобного Илариона Великого. Теперь все попечение о продолжавших приходить в Оптину богомольцах лежало на отце Никоне. От переутомления он тяжело заболел, но люди шли и он принимал их

даже больной, в постели, прием начинался с раннего утра.

15 июня 1924 года была отслужена последняя всенощная в Оптиной, после которой отец Никон сказал слово: «Поздравляю вас с праздником. Бог дал, отслужили мы с вами еще раз всенощную; быть может, в последний раз, а, может быть и не в последний... Может, Господь приведет нас еще когда-нибудь собраться вместе и помолиться...

Но так или иначе, а возможно, что нам придется разлучиться и разойтись в разные стороны... Может быть, вы и будете иметь возможность видеть меня и бывать у меня в Козельске, хотя, вероятно, и не так удобно и не так часто.

В церкви часто поют, вы, вероятно, не раз слышали: «Праведник от слуха зла не убоится», если же мы боимся, беспокоимся и смущаемся, еще только слыша о хотящих прийти напастях, о грядущих бедствиях и зле, то этот страх наш изобличает нас в том, что мы далеко не праведники, а грешники, и потому должны смиряться. Если же мы приобретем кротость, будем смиренны, если мир будет в сердцах наших, то тогда исполнится следующее: «Посему узнают вси, яко ученицы Мои есте, аще любовь имате между собою». Имейте любовь, уступайте

друг другу, воздавайте одна другой честь, не себе угождайте, будьте в любви, деточки мои возлюбленные...»

Пока отец Никон давал всем благословение, некоторые стали плакать, высказывать опасения относительно дальнейших событий, а он ласково сказал: «Вот, чудесненькие, ведь я — монах, я давал обет терпеть всякое озлобление и укоризну, поношение и изгнание, и если сие сбывается, если сие терплю, то радоваться подобает — так совершается чин пострижения на деле, и не унывать надо, а вы слюни распускаете... Сказано: "Радоватися подобает, егда во искушения впадаете различные..." Помню, когда я был еще Николаем, батюшка отец Варсонофий сказал надо мною молитвенно такие слова: "Господи, спаси сего раба Твоего. Буди ему Помощник. Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта..."».

Духовническое служение

С 1924 года отец Никон поселился в Козельске вместе с оптинским монахом Кириллом (Зленко), служил в городском Успенском соборе, по благословению настоятеля говорил проповеди. В его обязанности входило вести отношения с администрацией музея, образовавшегося на территории Оптиной Пустыни, он старался

сохранить все, что возможно, из книг и церковной утвари. Музей тем временем распродал монастырское имущество, в частности священнические облачения, отец Никон выкупал их для духовенства, приезжавшего из самых разных концов страны. Вскоре появилось предписание всем монашествующим удалиться из Козельска, но некоторая часть монахов и послушников, около пятидесяти человек, осталась в городе. Братия в священном сане служили в храмах города и ближайших окрестностях.

Отец Никон окормлял христианские общины, которых много образовалось в Козельске, одна из них — из шамординских монахинь. Монахиня Амвросия (Оберучева), автор замечательных воспоминаний о том времени, сохранила подробную картину этих встреч с отцом Никоном: «Придя к нам, он обыкновенно молился вместе с нами перед образом и, преподав нам мир и благословение, садился, а мы вокруг него, и начиналась духовная беседа... К этому времени приходили еще другие сестры... всем так хотелось духовной беседы, у многих были различные недоумения по поводу того, как устроить свою жизнь, где жить. И духовные вопросы: как быть с мыслями, которые делают молитву рассеянной?»

Одна сестра... говорила: "Мне хочется дожить до того времени, чтобы встретить Господа". — "Не надо, — говорил батюшка, — греховно желать до пришествия антихриста дожить. Такая скорбь будет тогда, как сказано: "праведник едва спасется". А желать и искать страданий опасно и греховно: это бывает от гордости и неразумия, а когда постигнет искушение, человек может и не выдержать"».

Это тяжелое из-за постоянной угрозы преследований, ареста, тюремного заключения время оказалось и совершенно особенным по тому горению духа, которое охватило верующих, не изменивших Христу. Отец Никон считал своим долгом поддержать своих духовных чад, научить их жить в новых обстоятельствах, сохраняя верность Господу. Зная об угрожающей опасности, готовил их к самостоятельной духовной жизни на случай его ареста, заключения. Он говорил: «Духовный отец только как столп указывает путь, а идти надо самому. Если отец духовный будет указывать, а ученик сам не будет двигаться, то он никуда не уйдет, а так и сгниет у этого столпа». Отец Никон принимал посетителей практически целый день, никому не отказывая. Обычно он сам выбирал из толпы пришедших очередного человека, зная, кто больше нуждается в его

слове, поддержке. К тому времени уже явны были дары прозорливости, утешения, способность видеть человеческую душу, унаследованные от духовника, учителя — старца Варсонофия.

Сохранились проповеди, беседы отца Никона, записанные его духовными чадами. Они навсегда останутся живым свидетельством той трагической, но в то же время яркой эпохи в истории Русской Церкви. В день памяти своего святого покровителя мученика Никона, 28 сентября 1925 года, отец Никон в слове, посвященном своему святому, сказал: «Так вот, старайтесь всегда быть с Господом, и тогда сможете быть исповедниками Христовыми, будете свидетельствовать о Нем так же твердо, так же безбоязненно, так же чудесно, как свидетельствовали святые апостолы, святые мученики и все святые. Вот вам назидание. Будьте всегда с Господом, имейте память Божию, бойтесь отогнать от себя помощь Божию какими-либо грехами или помыслами греховными. Бойтесь оставаться без Господа».

А вот отрывок из беседы в день праздника Святой Троицы: «Скорби иноков последнего времени утончены, то есть при поверхностном взгляде на них нельзя признать их скорбями. Но

это лишь злохитрость врага нашего...

Искушения явные, грубые и жестокие возбуждают в человеках пламенную ревность и мужество к перенесению их... Враг заменил грубые искушения слабыми, но утонченными и действующими очень сильно. Они не вызывают из сердца ревности, не возбуждают его на подвиг, но держат его в каком-то нерешенном положении, а ум в недоумении. Они томят, постепенно истощают душевные силы человека, ввергают его в уныние, в бездействие и губят, содейывая жилищем страстей по причине расслабления, бездействия и уныния».

Отец Никон вел обширную переписку с оптинскими монахами и духовными чадами, число которых постоянно росло. В письме иеромонаху Варсису (Виноградову), он говорит: «Сколько я могу усмотреть, никогда не совершается так, как думают и предполагают люди, а делается все так, как Богу угодно по Его непостижимому для нас плану».

Начало мученического пути

В непростое время начала гонений на Церковь, когда многие верующие не были еще готовы к жестокостям и козням властей, не все смогли устоять, некоторых охватывало малодушие, они становились осведомителями, шли на

сотрудничество с безбожными властями. Немало было таких и в окружении отца Никона. Живший вместе с ним монах Кирилл (Зленко) в какой-то момент перешел на сторону властей, но затем отказался предавать и был арестован. Иеромонах Гурий (Ежов), столкнувшись с материальными трудностями, добровольно стал посылать доносы в ОГПУ. Сохранился его анонимный донос в Козельское ОГПУ, характерен стиль и язык этого документа: «Товарищ Блинов, советую вам и преудисполкома приобрести яснозоркие очки и присмотреться поприлежнее, если вам по трудности и сложности ваших дел не позволяет хорошенечко вникнуть в положение дел управляемого сего города Козельска или вы бессильны, что уже, как видно, руки опускаете, пора бы очнуться и обратить особенное внимание на лица нижеуказанные, виновниками зла которые являются... Например, кому теперь стал неизвестен Никон... Беляев, квартирующий в Благовещенской караулке, этот пронырливый пес... добился того, что взял в свои руки собор Козельский... Квартира Никона является центром политической деятельности... Весьма важное письмо было получено Никоном от его друга Нилуса Сергея, писателя разной подпольной литературы

Товарищ Блинов, Беляев Никон уже проник с ножницами и мантиями монашескими к школьным преподавателям, обратите внимание, чтобы и в ГПУ не попал стричь. А сколько пострижено им же отовсюду приезжающих... Пора бы уже обратить внимание ваше, товарищ Блинов... на Беляева Никона, дать по хорошим ножницам и направить в Соловки или еще куда, пусть бы там вели бы себе пропаганду и стригли в монахи буржуазию, а то в Козельске уже квартир для таковых не хватает».

В 1927 году было принято решение об уничтожении Оптиной Пустыни, аресте оптинских монахов, живших в Козельске, а также администрации музея, «не справившейся» с задачей уничтожения известной и влиятельной в духовном отношении обители.

16 июня 1927 года отец Никон был арестован и заключен в калужскую тюрьму. 1 июля ему предъявили обвинения в том, что, «находясь на жительство в городе Козельске, имеет тесную связь с заведующим Оптинским музеем... совместно с которым ведет антисоветскую агитацию через лиц, близко стоящих к нему, то есть единоверцев. Также ведет религиозную пропаганду и среди крестьянского населения, тем самым вызывая недоверие к советской

власти... установлено, что Беляев производит скупку церковного имущества и ценностей для неизвестных целей и на средства, неизвестно откуда получаемые, при содействии зав. Оптинским музеем... в ведении которого указанное имущество находится». 16 августа 1927 года следствие было закончено, дело отправлено в Москву, где в октябре 1927 года было дано окончательное заключение о контрреволюционной деятельности и пропаганде проходивших по делу иеромонаха Никона и еще одиннадцати человек. 19 декабря 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеромонаха Никона к трем годам заключения в концлагерь. 7 января 1928 года пришло распоряжение отправить отца Никона в Соловецкий концлагерь.

Лагерь и ссылка

27 января 1928 года на Калужском вокзале собралась огромная толпа — это были духовные чада отца Никона, пришедшие проститься с ним перед отправкой по этапу. В марте этап прибыл в Кемь, навигация на Соловки уже закончилась, и отец Никон был оставлен в пересыльном концлагере в Кеми, где его отправили сторожить сарай на морском берегу. Жил он в одном бараке с оптинским монахом отцом Агапитом

(Таубе), которого искренно полюбил, но отца Агапита вскоре отправили в командировку, и они потеряли друг друга из виду. Старец Никон вел активную переписку с духовными чадами, которые старались его поддерживать, отправляли посылки с продуктами. В письмах отец Никон был неизменно бодр, наставлял своих чад стойко переносить испытания, не унывать и поддерживать друг друга. В апреле 1929 года его перевели на Попов остров, где он работал счетоводом в лагерной канцелярии. Здесь они вновь встретились с отцом Агапитом.

23 мая 1930 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ без проведения нового следствия приговорило отца Никона к трем годам ссылки в Северный край. Врач во время медосмотра обнаружил далеко зашедший туберкулез и рекомендовал старцу обратиться с просьбой об изменении места ссылки по состоянию здоровья. Отец Никон, посоветовавшись с монахом Агапитом, сказал: «Воля Божия да совершится», и не стал ничего предпринимать. Он был отправлен в город Пинегу Архангельской области и поселился в находящейся в нескольких километрах от Пинеги деревне Воепала. В Архангельске ему пришлось расстаться с отцом Агапитом, горько было потерять собрата по

лагерным мытарствам, с которым они жили в согласии и единомыслии.

Отец Никон поселился в доме, хозяйкой которого была жестокая пожилая женщина. Вообще к ссыльным местные жители относились сурово, без всякого сочувствия, видя в них исключительно бесплатную рабочую силу. Женщина, у которой жил отец Никон, заставляла его нещадно работать — он носил воду из колодца, таскал и рубил дрова, выполнял всю тяжелую и черную работу по дому. Туберкулез стремительно развивался, старец чувствовал себя все хуже и хуже. А хозяйка считала, что ее жилец притворяется, и продолжала эксплуатировать его на тяжелых работах.

Поразительно, что письма отца Никона к духовным чадам в это время исполнены веры в Промысл Божий, благодарности Господу за все жизненные обстоятельства и слов поддержки и утешения в скорбях.

Кончина в изгнании

Отец Никон так описал в письме начало своей последней болезни: «Болезнь началась внезапно. Чувствуя себя здоровым, я пошел копать снег около дома и почувствовал боль в венах больной

ноги. Я все же несколько поработал и утомился. Сразу заболели все вены, начиная от живота и до пяток. Я положил компресс, смерил температуру — 40°. Оказалось — кровоизлияние». Больной слег и не вставал три недели, когда же смог подняться, добрался до врача в больницу, за шесть верст от деревни. Тот, осмотрев его, подтвердил старый диагноз: «В легких плохо, туберкулез». В это же время старец писал духовной дочери: «Пока все необходимое имею, а будущее в руках Божиих. Слава Богу за все. Радуюсь, что у тебя хорошее настроение. Да, Господь вразумляет нас и призывает ко спасению...»

Хозяйка квартиры, поняв, что ссыльный иеромонах тяжело болен, стала гнать его из дома и даже вынесла из комнаты кровать. В Вербную субботу, 22 марта 1931 года, живший в соседней деревне Козловка ссыльный оптинский монах Петр (Драчев), навестив отца Никона, увидел, что больной лежит на двух сдвинутых табуретках, в шапке, в ватном подряснике и валенках. В изголовье стоит мешок со всеми его вещами. На его вопрос «Что это значит?» — отец Никон ответил: «А это значит — вылетай, куда хочешь». Тогда отец Петр вернулся в деревню Козловку, нанял лошадь и перевез отца Никона к себе. Он давно уже предлагал старцу

перебраться в его дом, но тот не хотел ничего предпринимать по собственной воле, смиренно принимая все жизненные обстоятельства.

В доме, где жил отец Петр, окруженный заботой, отец Никон почувствовал себя несколько лучше. Они подолгу беседовали с монахом Петром об Оптиной и о том блаженном времени, когда был жив старец Варсонофий. В это время ухаживать за батюшкой смогла приехать его духовная дочь, сестра Ирина. Она вспоминала такой эпизод. Когда старец был уже совсем плох, он вдруг произнес: «Всечестный батюшка, отец Макарий! Ирина, подай стул... К нам пришел старец Макарий, а ты не видишь...» Ирина решила, что отец Никон говорит это в состоянии забытья и медлила, а он тихо произнес: «Простите, батюшка, ведь она неопытная».

Болезнь брала свое, отец Никон все более и более слабел. Последние недели жизни он ежедневно причащался святых Христовых Таин. Старец часто вспоминал о духовных детях, благословлял их, говорил о желании повидаться со всеми, но тут же добавлял: «Но да будет на то воля Божия...», повторял он в эти дни и слова апостола Павла: «Иные же замучены были, не принявшие освобождения, дабы получить лучшее воскресение» (Евр. 11, 35). Пока еще мог

хоть как-то писать, старался каждому отправить хоть небольшую записку, несколько слов.

8 июля, на следующий день после праздника Рождества Иоанна Предтечи — престольного праздника скита Оптиной Пустыни, в 12 часов дня его причастил архимандрит Никита (Курочкин) и прочитал канон на исход души. Вечером отец Никон предал свою душу Господу, по воспоминаниям его кончина была тихой и мирной. Погребен отец Никон на кладбище села Валдокурье под Пинегой. Могила его до сих пор не найдена.

Отец Никон скончался 43-х лет отроду. Несмотря на молодой возраст, он поистине стал старцем — последним из плеяды оптинских старцев, духовников. Наследник старца Варсонофия, из его рук он получил богатую традицию оптинского старчества. В изгнании, поношениях и страданиях, он передал эту традицию Русской Церкви XX столетия, укрепив ее в исповедническом подвиге своим словом и самой жизнью. И ныне, когда поднялась из руин Оптина Пустынь, его слово поддерживает современных христиан, задачей которых является, вслед за восстановлением храмов и обителей, возрождать и духовное наследие. На этом пути наши помощники и молитвенники —

оптинские старцы, а самый близкий к нам по времени — преподобноисповедник Никон. В одном из своих последних писем старец говорит: «Преподобный Феодор Студит, сам бывший в ссылке, ликует и радуется за умирающих в ссылке. И мне приходила мысль, что мы, иноки, отрекшиеся от мира, и ныне, хотя и невольно, проводим мироотреченную жизнь. Так судил Господь. Наше дело — хранить себя в вере и блюсти себя от всякого греха, а все остальное вручить Богу. Не постыдится надеющийся на Господа...»